

Философия Права

№ 6 (61)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год
Свидетельство о регистрации
№ 019290 от 30 сентября 1999 г.

2013

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по философии, социологии и культурологии, праву, политологии

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 7

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- Стрельченко В. И.
ДАРВИНИЗМ И ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕДЫСТОРИИ
ЖИЗНИ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ) 8
- Беспалова Т. В.
ПРОБЛЕМЫ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭТИКИ 13
- Бритов В. А., Верещагин В.Ю.
РАЗУМ И ПРИРОДА: ОТ «ОБРАЗА ВРАГА» – К СИМБИОЗУ (ДИАЛОГ ФИЛОСОФА
И ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ) 23

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРА, ПРАВО

- Мограбян А. С., Працко Г. С.
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
НА ВНЕШНИЙ ОБЛИК 28
- Кожурин А. Я.
А. И. ГЕРЦЕН И РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ 33
- Константинов М. С.
ИМЕНИТЫЙ ANONYMOUS: КОНЦЕПТЫ И СИМВОЛЫ САПАТИСТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ 41
- Шуваева О. М.
ПОНЯТИЕ «ФАНТАЗИЯ» В АНТИЧНОЙ ПРЕДНАУКЕ 45

С. П. Поцелуев, М. С. Константинов

ИНТЕГРАТИВНО-КОГНИТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ МОРАЛЬНЫХ ФРЕЙМОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ*

В статье описываются категориальный аппарат и методология исследования моральных фреймов политических идеологий. Авторы предлагают интегрировать концептологический и фрейм-анализ с деятельностным подходом к изучению политических и моральных феноменов. В результате сформулированы базовые методологические положения и основные понятия интегративно-когнитивистского подхода.

Ключевые слова: мораль, политика, идеология, методология, деятельностный подход, концептологический подход, фрейм, концепт.

Еще с Античности отношения между моралью и политикой являются «вечной» темой политической рефлексии. Ключевой вопрос дискуссий по этой проблеме обычно формулируется следующим образом: «Как, на каких условиях, в каком виде политическая практика должна принимать к сведению моральные аргументы и в какой мере она должна (и может) опираться на них?» [1, с. 141]. В зависимости от того, какой ответ дается на поставленный вопрос, выделяются три базовых подхода к решению проблемы отношения морали к политике.

Первый подход, которому политическая мысль следовала на большей части своей истории, условно можно назвать «традиционным нормативистским». Его содержательные характеристики: мораль рассматривается как нормативное понятие, как сфера «чистых значений» (В. Хесле); действия, институты, эмоции и т. д. признаются моральными лишь в контексте должностования, а не с точки зрения практики; соответственно, в подобной нормативной перспективе рассматриваются и отношения политики и морали, последняя представлена как проекция универсальных этических норм на политическую практику; наконец, утверждается, что нормативное измерение нередуцируемо ни к дескриптивному измерению, ни к социально-политическому. Интеллектуальной вершиной данного подхода является моральная философия И. Канта. В данном контексте мораль оказывается трансцендентной по отношению к политическому, она как бы предпослана политической деятельности, несводима к ней и не выводима из ее специфики. От-

сюда главная методологическая проблема данного подхода – конфликтные противоречия между моралью и политикой, которые приходится разрешать в политической практике, нередко в ущерб моральным представлениям о должном.

Второй подход можно назвать «деятельностным». Несмотря на солидную предшествующую предысторию, восходящую к концепциям деятельности И. Фихте, Г. Гегеля и К. Маркса, это – относительно новое явление в политической и моральной философии. Оно связано с «пост-» или «антиметафизическим поворотом» [2, с. 50–62] в этике, привнесшим в изучение рассматриваемой проблематики определенную специфику: в рамках данного подхода политическая деятельность уже не оценивается с точки зрения соответствия абстрактным моральным нормам, но морально ориентированное действие политических акторов представлено в качестве конституирующего саму политическую реальность; соответственно, происходит смещение исследовательского интереса от изучения возможностей подчинения логики политического действия нормативным требованиям морали к анализу способов сопряжения моральных норм с собственной нормативностью политики, т. е. «вхождения» морали в мотивацию и целеполагание политического действия [3].

Третий подход – политико-концептологический – акцентирует способы становления и функционирования базовых концептов политических идеологий и их воплощения в политических институтах и практиках [4, с. 212–227]. В той версии данного подхода, которую развивает В. П. Макаренко, специфика концептологического подхода

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

выявляется через анализ отношений между абсурдом, моралью, политикой и идеологиями. Особенно важной полагается идея о сущностной спорности всех моральных и идеологических концептов. Политическая идеология понимается как определенная целостность, направленная на достижение трансцендентных и надындивидуальных целей, а основной ее функцией является легитимация абсурда. Абсурд рассматривается как констатация смыслового, логического, бытийного и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире, а отправной точкой изучения темы абсурда в морали, политике и политических идеологиях является идея агональности существующего мира.

Однако во всех рассмотренных подходах обычно упускается из виду, что сам вопрос о «вхождении» моральных аргументов в политическую практику ставится, осмысливается и решается по-разному, в зависимости от того идеологического контекста, в котором он артикулируется. Действительно, если в качестве исходной принять идею деятельностного подхода о необходимости изучения того, каким образом моральная проблематика «встроена» в политическую практику и конституирует политическую деятельность, то это исследование с необходимостью будет включать анализ способов моральной мотивации и целеполагания политического действия, которые есть функция политических идеологий. Это, в свою очередь, ставит перед исследователем задачу разработки интегративно-когнитивистского подхода, способного сочетать деятельностный подход к феномену политической морали с анализом когнитивно-концептуальной и аксиологической структур различных политических идеологий, но при этом учитывать субъективную моральную мотивацию, основанную на индивидуальном опыте участников политики.

Подобный подход предполагает исследование моральных фреймов, определенным образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. С другой стороны, интерпретация и, соответственно, модификация базовых концептов политических идеологий ограничены ассоциированными с концептами моральными фреймами. На этой своеобразной диалектике строится специфическая – интегративная – трактовка политической идеологии, акцентирующая когнитивно-концептуальные и аксиологические ее функции в рамках деятельностного подхода к

анализу данного феномена. Суть этой трактовки состоит в следующем.

Для любой идеологии большое значение имеет восприятие главных ее постулатов и ценностей массами людей, т. е. отражение базовых идеологических концептов в массовом сознании. Это особенно важно в процессе пролиферации идеологий в конкурентном политическом пространстве. Именно в этом – когнитивно-концептуальном поле – разворачивается противостояние пропаганды и контрпропаганды, различных форм воздействия на сознание потенциального сторонника/избирателя и манипуляции им. Так, если образ анархиста в массовом сознании прочно ассоциирован с терроризмом и другими формами нелегальной деятельности, тогда вряд ли анархистская идеология приобретет большое число сторонников, способных стать значимой политической силой.

Обычно критики идеологии ограничиваются фиксацией этой манипулятивной природы идеологических феноменов, абстрагируясь от смыслополагающих их функций, положенных в основу мотивации политической деятельности. Характерным для подобной критики является постулирование разрыва между «объективной» политической реальностью, и преломлением различных ее аспектов в сознании под «искажающим» воздействием идеологии. Этим обусловлена характеристика идеологии как «ложного» сознания, противопоставляемому сознанию «истинному», т. е. формируемому под воздействием «истинной» научной теории. При этом открытым остается вопрос об онтологическом статусе как самой «объективной» реальности, так и научной теории, эту реальность описывающей.

В результате подобных «топорных» (по выражению К. Гирца) мыслительных процедур само понятие идеологии оказалось предельно идеологизированным. Представление об идеологии как о некоей упорядоченной системе культурных символов приводит, согласно К. Гирцу, к возникновению «парадокса Мангейма», т. е. неизбежной идеологизированности претензий на научное, свободное от оценок объяснение феномена идеологии. Хорошо известно и решение этого парадокса, предложенное К. Гирцем: оно «лежит в таком усовершенствовании концептуального аппарата, которое сделало бы его применимым к изучению смыслов» [5, с. 228]. Реализуя эту методологическую установку, К. Гирц предложил трактовку идеологий как символических матриц проблематичной социальной реальности, в соответствии с которыми создается кол-

лективное сознание: «...Идеология пытается придать смысл непонятным социальным ситуациям, выстроить их так, чтобы внутри них стало возможно целесообразное действие» [5, с. 250].

К. Гирц стоял у истоков радикального поворота в исследованиях идеологии, который произошёл в последние десятилетия и сопровождался заметными изменениями в интерпретации этого понятия. Согласно «морфологии идеологий», предложенной Майклом Фриденем, идеология напоминает набор мебельных модульных блоков, которые могут быть собраны различными способами. Соответственно, он исходит из того, что в идеологиях комбинируются несколько центральных и периферийных концептов, которые конкретизируют свои значения в контексте идеологии. Уникальное сочетание этих элементов позволяет идентифицировать идеологию, независимо от специфики ее национально-географического или исторического воплощения: «Строительными блоками политического мышления, образующими его основные смысловые центры, являются политические концепты, выражаемые в таких терминах, как свобода, справедливость, власть и права. Идеологии... являются комплексными конструкциями, посредством которых широкому спектру используемых в них политических концептов придаются конкретные значения из потенциально неограниченной и сущностно спорной вселенной смыслов» [6, с. 140–141].

Особого внимания заслуживает также подход к анализу идеологии, предложенный Т. А. ван Дейком [7]. В этом анализе он использует термин «социальные репрезентации», позволяющий связать в едином понятии личные и социальные верования, системы знаний и отношений (*attitudes*), структуры знаний (фреймы) и т. д. В отличие от психологической трактовки термина «социальные репрезентации», ван Дейк использует это понятие применительно к организованным в кластеры социально разделяемыми верованиям. Таким образом уровень индивидуального опыта оказывается связан с коллективными верованиями: фреймы, скрипты и позиции знания выступают в роли частных случаев социальных репрезентаций, а также идеологий: «Одним из важнейших аспектов когнитивного подхода является не только описание структур психических представлений (*mental representations*), но особенно *процессы* или *стратегии* их приобретения, использования и изменения» [7, р. 46–47].

Рассмотренные концепции позволяют сформулировать рабочее определение идеологии как символической системы, опосредующей социальную

действительность и производящей смыслы и идентичности действующих (коллективных или индивидуальных) акторов [8, с. 152]. К функциям идеологии обычно относят смыслообразующую, ориентационную, оценочную, интегративную, коммуникативную и легитимирующую. Но для того, чтобы идеология была способна реализовывать эти функции, знание о мире и самих себе должно быть организовано в концептуальные системы, связывающие уровень повседневных взаимодействий с ценностно-символической структурой идеологии. При анализе подобных концептуальных систем в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, в исследованиях по искусственному интеллекту используется теория фреймов, получившая развитие в трудах М. Минского, И. Гофмана, Т. А. ван Дейка и др. [9; 10; 11].

Исходным постулатом этой теории является тот факт, что «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ)..., с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» [9, с. 7]. Подобные структуры данных, или единицы знания для представления стереотипной ситуации, называются фреймами. Структурно фреймы организованы вокруг определенного концепта: «В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [11, с. 16].

Концепт в таком контексте выступает в роли «основной ячейки культуры в ментальном мире человека» [12, с. 41], т. е. «“пучка“ представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [12, с. 40] и т. д. Применительно к политическим идеологиям принципиальным является отличие концепта от понятия. «В отличие от понятий в собственном смысле термина...», — отмечает Ю. С. Степанов, — концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [12, с. 41]. Невозможно понять всю мощь влияния политической идеологии на умы людей, если упускать из виду взаимосвязь фреймов с базовыми концептами идеологии: фреймы организуют представления людей об актуальном и потенциальном поведении «своих» и «чужих» и связывают эти представления с долженствованием в виде основных концептов идеологии. Равно как невозможно решить проблему увязывания в единой

теоретической модели концептуально-ценностных структур политических идеологий с субъективным опытом участников политики: интегративный подход к изучению идеологии должен учитывать необходимость объединения в одной объяснительной модели когнитивных и аксиологических структур, и при этом отвечать на вопрос, каким образом эти структуры оказываются связаны с индивидуальным опытом участников политики. О существовании этой проблемы, в частности, свидетельствуют результаты исследования «систем убеждений», проведенного в 60-х гг. XX в. Филиппом Конверсом [6] и показавшего несоответствие между верованиями масс, основывающихся на их индивидуальном опыте, и убеждениями образованных элит-носителей идеологии. Тем самым ставится под сомнение одна из традиционно приписываемых идеологии функций – как средства легитимации.

Поэтому можно отметить, что в рамках идеологических систем фреймы решают следующие задачи:

1) фреймирование политической реальности посредством создания или трансформации уже существующих фреймов. Как справедливо указал Г. И. Мусихин, «не столь уж важно, как та или иная идеология описывает мир, гораздо интереснее, как она в этом мире “расставляет” субъектов социально-политического действия» [13, с. 26];

2) фреймы, описывая специфику поведения сторонников идеологии, определенным образом маркируя и стигматизируя участников политики, задавая возможности идентификации индивида в качестве сторонника/противника, способствуют формированию некоего «мы», с которым субъект идентифицирует себя или которому он себя противопоставляет;

3) однако в идеологиях гораздо более важным представляется особый вид фреймов – моральные фреймы, в которых когнитивное содержание имеет функцию долженствования. Этим фреймам также свойственны функции ориентации и идентификации, но они приобретают здесь важную компоненту мотивации политического действия. Ведь сами по себе усвоенные индивидом характеристики носителей той или иной идеологии, а также их целей не могут привести к политическому действию. Для того чтобы когнитивное отношение трансформировалось в политическую практику, необходимо превращение «морали-как-оценки» в «мораль-как-мотив и форму цели» [3 с. 247]. Политическая идеология не только ищет себе сторонников, но и подвигает их на определенные политические действия;

4) моральные фреймы очень удобно использовать в политической борьбе, навешивая ярлыки аморальности на своих противников и одновременно позиционируя своих сторонников в выгодном свете;

5) фреймы, маркируя и стигматизируя участников политики, вырабатывая специфический язык, создают каналы коммуникации между ними.

На описанной в данной статье теоретико-методологической базе создана модель исследования моральных фреймов, ассоциированных с ключевыми концептами основных политических идеологий современности: либерализма, консерватизма, марксизма и социализма, коммуитаризма, экологизма, феминизма, национализма и анархизма.

Литература

1. Прокофьев А. В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы) // Этическая мысль: ежегодник. М., 2005. Вып. 6.
2. Капустин Б. Г. «Общественная мораль» и постметафизическое осмысление этики // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. М., 2009.
3. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике. М., 2004.
4. Макаренко В. П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 3.
5. Гирц К. Идеология как культурная система // Интерпретация культур. М., 2004.
6. Converse P. E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006 (1964). № 1–3.
7. Van Dijk T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998.
8. Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? (II) // Политические исследования. 1997. № 1.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
10. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2003.
11. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997.
13. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М., 2013.